

22/V Вознесение (Господне)

Ночью постучали. Сборы. Прощание с Лолой (жила вместе с нами, сестра автора). В поезде публика наполовину польская, наполовину украинская. Устраиваемся в вагоне для скота. Проверка – и закрыли ворота.

Первый завтрак в вагоне: чёрный хлеб, вода, кусок сахара. На обед – тоже самое, и на ужин, только вместо хлеба – булка. Ночь. Отчаяние, подчёркнутое темнотой, стоны людей, клоака в вагоне – мало места. Соседка потеряла сознание, врач.

2 день. Та же еда. Одна женщина раздаёт детям по кусочку телятины. Удалось раздобыть стакан молока. Последний, прощальный взгляд на Львов. Чудесная весна. Сильное впечатление – первый солнечный день после долгой непогоды. Отчаяние при мысли, что вижу это чудо последний раз в жизни. Вишнёвые деревья словно гирлянды кружев. Чудесная зелень берёз на фоне сосен.

Уже несколько раз я была готова к вывозу, но на этот раз действительно взяли меня с Эльжуней и Марысей, когда совсем ничего не предчувствовала, больную психически после смерти Ванды¹, бесчувственный клубок нервов. Оставила самые необходимые вещи. Мы абсолютно ничем не обеспечены. Только мысль о том, что не изменила польскому происхождению детей Казя², спасает меня от потери разума и укоров совести – ведь я еду на восток вместо того, чтобы ехать в другом направлении.³

Воскресенье 25/ V

Наиболее крупные местности, которые проезжаем: Здолбунов, Рокитно, Мозырь, Гомель, Брянск. Недалеко от Мозыря чудеснейший вид Припяти, залитой южным солнцем, позволил на какое-то время совершенно забыть причину и цель нашего путешествия. Дети тоже под впечатлением чудесной природы.

Сегодня, в воскресенье, с волнением возвращаемся мысленно во Львов, где Эльжуню ожидала голубая пелеринка, только что сшитая.⁴ Вспоминают ли нас там? Думаю, что вспоминают.⁵ Теперь

¹ Ванда Лев(е)к(ова), сестра автора, вывезенная из Лунинец(?) в Казахстан после ареста её мужа, судьи Яна Лев(е?)ка. Умерла в больнице в Петропавловске в 1941 г. Cf. K.Jasiewicz, op. cit. s. 578 i M.Schoferowa, op. cit. s. 222 i zdjęcia.

² Муж автора, мой отец – Казимир Баран, инженер-лесовод, заместитель директора Дирекции Государственных Лесов во Львове. Арестован НКВД 23.03.1940г. и уничтожен. Cf. Ukraiński ślad Katynia, Warszawa 1995, s. 218.

³ Мама скорее всего имеет в виду возможность бегства из Львова в Австрию, где жила немецкая ветвь семьи зашковских Шоферов.

⁴ Я принадлежала к детской Евхаристической (Круциате) при костёле отцов Бернардинцев во Львове. Голубую пелеринку я должна была получить как знак принадлежности (ступень рыцаря?) на торжестве, которое, видимо, должно было состояться в воскресенье 25 мая 1941 года.

мы здесь, в Брянске, ожидаем обеда, за которым пошла делегация от нашего вагона – под конвоем.

Вторник 27/ V

Понедельник миновал без движения, еды и каких бы ни было впечатлений в Орле. Во вторник утром мы оказались в Туле, родных сторонах Толстого. Купила детям мороженое (отвратительное), они, однако, съели с большим аппетитом. В восемь часов утра нам дали обед: хорошие щи и макароны с мясом, горячую воду. Наевшись, мы почувствовали себя лучше. Мучительно только это простаивание на запасных путях. Наши конвоиры хранят загадочное молчание о предназначенной для нас местности. Сначала это было даже стимулом немного отвлекавших нас догадок – куда всё-таки мы едем? Но сейчас, после почти недельной дороги, эта неуверенность становится необыкновенно мучительна. А может мы будем недалеко от могилы Ванды? Что станет с её вещами, которые Бася⁶ выслала из Львова? И что там с Лёлей? Что с Крысей (самая младшая сестра автора), а Мама как перенесла ещё и этот удар? Что у нас дома? Что говорят обо мне? Как объясняют наше вывезение? С администратором дома хотела бы ещё встретиться лицом к лицу.

Понемногу приживаемся в нашем вагонном коллективе. Открываем характеры – это по большей части солидные, твёрдого духа человечки. Какая сила согнала нас сюда – спокойных, нейтральных, оседлых людей? Каким образом тут могли оказаться малыши? За что вырвали способных детей из школ? А что самое главное – какой будет эффект, какой результат этого переселения, такого трагического для нас теперь и полного угрозы? Когда же наконец эта Сибирь, холодная и грозная, от давлен давно орошённая польским потом и слезами, станет нормальным прибежищем для полонников на земле?

28/ V. Среда

Снова мы заметно продвинулись на восток. Находимся в тамбовской области. Неожиданностью было утром горячее молоко и два яйца, купленные у какой-то женщины. Очень хочу написать во Львов и Басе, но мне это не удаётся.

2/VI. Понедельник Пятидесятницы.

Очередные местности на пути: Пенза, Батраки, Куйбышев (Самара), Богоруслав, Уфа, Злотоуст, Челябинск (уже за Уралом). «Где ты праздновала в этом году Пятидесятницу? – «На Урале»!

⁵ Другом нашей семьи был отец Бронислав, провинциал львовских Бернардинцев, и его, скорее всего, Мама имела в виду.

⁶ Барбара Ревеньска, ныне Косьюкова, приятельница Ванды Лев(е)к(овей) в ссылке. После смерти Ванды (см. с. 1) и нашего вывезения пересылала нам деньги, полученные от продажи её вещей, а также прислала посылку с ценной одеждой тёти. Этим очень помогла нам выжить.

(Да, да). Урал необыкновенным образом привлёк моё внимание. Можно отметить более высокую культуру, чем в предыдущей части России. Мы проезжали мимо какого-то санатория с красивым, ухоженным садом, парниками, оранжереей и тд. Челябинск великолепно освещён ночью. Со станции видны ярко освещённые большие заводские здания .

А в нашем вагоне клоака всё более зловонна. Простыня, натянутая вместо ширмы, пропиталась мочёй. У людей горячка, принимают ризин, плачут, потеют, отчаиваются. У одного из спутников, тихого, спокойного железнодорожного машиниста на пенсии, уже два дня температура 40. Меняет до нитки мокрые от пота рубашки, которые потом сохнут на весь вагон. Сегодня ему немного лучше. Едет с тремя взрослыми детьми. В соседнем вагоне умерла какая-то старушка, солдаты ночью пришли за телом, и перепутав номера вагонов, постучали к нам. Лично я тоже пережила один очень тяжёлый день совершенного бессилия. Был врач, дал ризин и большой запас валерьяновых капель. На следующий день почувствовала себя лучше. Сегодня снова болит голова, дрожь. Состояние моего здоровья будет большой помехой в тяжёлой борьбе за существование для моих бедных девочек.

Всё ещё не знаем, куда нас везут. В Челябинске нам дали старательно приготовленный обед, состоявший из мясного горохового супа, пшённой каши и киселя из берёзового сока. Очень вкусно.

С нами в вагоне прелестная трёхлетняя девочка со светленькими вьющимися волосами. Это радость всего вагона.

5/VI.

Мы в Новосибирске. И это всё ещё не цель нашего путешествия. А у нас уже почти нет никаких сил. Стоим между тесно составленными грузовыми вагонами. Ужасно душно. Дети разделись до маек и понапрасну умоляют дать им воды. Вскоре нам обещают воду, обед, более того, даже баню, то есть мытьё. Но когда мы этого дождёмся? Ах, как же трудна роль матери в такой ситуации!

Сам Новосибирск – большой город, красиво расположенный над Обью. Большие здания, много фабричных труб на противоположной стороне реки.

Баня на самом деле была великолепна. Но в радости – всегда какая-нибудь тень. Эля, может быть, слишком долго пробыла голодная в горячей бане и, выйдя, так ослабела, что чуть не потеряла сознания. Вернувшись в вагон, (я?) успокоилась, какое-то время спустя, мы получили обед.

На следующий день: едем в Тайгу по прелестной местности. Берёза и ели, можжевельник, цветущая черёмуха и великолепные яркие цветы в густой высокой траве. В Томске этот рай кончился. Болота наполнили нас страхом. А ночью оказалось, что мы поплывём на корабле, рекой в сторону Карского моря. – Ожидаем погрузки на корабль. После почти бессонной ночи, без завтрака, без капли воды у нас не получается не нервничать. Мне и детям очень нехорошо. Идёт дождь. Не знаю, как справлюсь с переноской вещей из нашего вагона, а тем более – из багажного. Страшная боль сжимает сердце. Как мы перенесём жизнь на севере? Господи, позволь мне как можно дольше быть с детьми! Пусть не останутся сиротами на чужбине.

На корабле. Суббота 7/ VI.

Страшно измученная переноской тюков, заплатив 12 руб. моряку за корзину, машину и кровати, сижу, наконец, в очень неудобном месте на корабле. Корабль огромный, двухпалубный, но для такого количества людей, для целого транспорта ссыльных, решительно недостаточный. Вид сбившихся вместе женщин, мужчин, детей – спящих, испуганных, вспотевших – это настоящее чистилище. Очередь перед кухней за обедом – это геенна. И поэтому после обеда (огуречного супа и каши) и мытья посуды я была уже смертельно измучена. Посидела, постояла немного с детьми на палубе, - там, несмотря на всю свою подавленность, не могла не восхищаться чудом огромной реки (Обь), освещённой заходящим солнцем, окаймлённой зелёной тайгой полной цветущей, головокружительно пахнущей черёмухи. Потом купила детям порцию компота, постелила матрац с сеном и мы сейчас же заснули.

8/ VI. Воскресенье!

Уже три часа этого трагического путешествия. Как только сибирское солнышко зашло, пришлось встать, поскольку матрац мешал переноске ящиков и почты в населённом пункте, к которому причалил корабль. Называется Колпашово. Глядя на силачей, перетаскивающих с нижней части корабля ящики, чувствую себя вдвойне бессильной и потерянной в этом краю, где могут выжить только крепкие, закалённые и привычные к голоду, морозу и постоянной борьбе за существование. Что я здесь буду делать? Долго ли выдержу? О Иисус Евхаристический, которого я бы сегодня приняла в нормальных условиях, смилуйся над моими детьми и детьми всех этих несчастных моих спутников! Твоими Святыми Ранами заклинаю Тебя, победи Силой Твоей царство злого. Взгляни на эти хрупкие тельца спящих девочек, криво опершиеся о тюки и ниспошли им Твоё благословение! Дай мне

почувствовать, что в этой нашей бездонной усталости есть какая-то Твоя божественная цель. Не позволяй, чтобы мучили сомнения. Разреши встретиться когда-нибудь с Казиком. Сегодня день его рождения. Отдаю его под Твоё покровительство.

Наш адрес: СССР

Новосибирская область

Каргасокский район

Наунакское почтовое отделение

Посёлок Усть-Сельга.⁷

Мы ведём жизнь на уровне очень примитивных селян, которые только ещё строят себе дом. Нам нельзя передвигаться по окрестности без пропуска ответственного НКВД.

22/ VI. 1941. Начало войны между СССР и Гитлером.

Я отрезана от Львова. Пусть эти простые слова будут свидетельством моего безграничного ужаса, горя. Я ведь так надеялась в этой пустыне на письма от моих близких, оставшихся во Львове.

3/VII.

Вчера была годовщина свадьбы Хелюси.⁸ Два года – так немного времени, а столько пережито. Сегодня вечером прозвучали божественные слова из уст Марыси⁹: «Ну и везёт же нам в России!» – Как же не любить тебя, маленький человечек, если в благодарность за кисель с пенками столько радости умеешь влить в моё сердце, так измученное теперь.

Рождество (Господне) 1941.

Пол года пребывания в Усть-Сельге сделало своё дело. Девочки прижились, приспособились к новым условиям и подружились со здешними детьми. От Эльжуни не отстывает ни на шаг Катя Колбина, а от Марыси Нюра Кононова.

Дровосек, солидный рабочий с «клёпки»¹⁰ принёс деревцо из тайги, - ёлочку с чудесными длинными иголками, высокую и стройную. Мы сделали игрушки из доступных здесь материалов и получилось вполне симпатичное деревцо. Ясли я смастерила из берёзовой коры со звездой и надписью: «*Gloria in excelsis Deo!*» («*Слава в вышних Богу!*»). В ясли поставила картинку из мшала

⁷ Адрес написан старательной каллиграфией, русским алфавитом с незначительными ошибками. Видно, что это переписывание давалось Маме с трудом. Первую запись несколько раз перечеркнула. Вторая, чистовая, занимает центральное место тетрадной страницы.

⁸ Сестра Мамы, Хелена Шофер(ова) – Каламайска, венчалась в семейном приходе в Гологорах 2 июля 1939 года и уехала с мужем из Зашкова в Гдыню. После войны её торуньская квартира стала пристанищем для всей остальной семьи. Cf. Maria Schoferowa, Grzędowie, opowieść z zimnego Podola, Wyd. UW 1998, s.226 i foto.

⁹ Вторая дочь автора, Мария Баран(увна), ныне Тарасюк(ова), кандидат химических наук.

¹⁰ изготовление клёпок

(литургической книги) Рождества Христова. Принимая во внимание горячие слёзы, которые лились во время склеивания – можно сказать, что эти ясли были дороже всех львовских покупных. Впрочем, действительно вышли красивыми. На праздничный ужин в сочельник (вигилию) пригласила наших азиатских хозяев, у которых мы живём, потому что сама себя боялась. Не верила себе, не знала, смогу ли с собой совладать и не напугать детей плачем. Сварила картофельный суп с грибами (Эльжуня насобирала летом в тайге) и фасоль, ещё остатки львовской. Купила пол литра водки, 2 кг сыра (творога). Дед Ковалёв дал несколько солёных рыбок, а бабушка – кедровые орешки. После ужина я зажгла ёлку (было пять свечек из одной большой) и колендовала с Эльжуней. Марыся помогала как могла и умела. Именно тогда я открыла, как велик Бог и какая это чудесная сокровищница богатства и благодати - религия. Все мои любимые близкие, хоть так далеко от вас – я была с вами в день этой годовщины рождества маленького Иисуса – Спасителя. Знаю, что вы думали тогда о нас и не теряю надежды на встречу. Тем более, что наша ситуация так изменилась. Войско польское (Польская армия) сражается вместе с армией советской – против Гитлера, а польские граждане освобождены. Приговор к 20-им работам в васюганских болотах не действителен. Моя переписка с Басей Ревеньской иллюстрирует теперешнюю ситуацию. Хотя можно – не двигаюсь отсюда из-за хлеба(зерна), который мне здесь полагается от колхоза, из-за 53 градусов мороза и из-за того, что боюсь попасть в места, переполненные беженцами. Здесь же, хоть тяжело, отчаянно грустно, тесно и грязно, мы никогда не бываем голодны. Хлеба, правда, слишком мало, но есть картофель и молоко, и даже телятину иногда можно купить, или щуку. Огромная помощь – и единственная – деньги Ванди, пересылаемые Басей.

12/VIII. последовало освобождение поляков. Создаётся Польская Армия и сражается вместе с Советами со своей целью – против Гитлера как общего врага. Появилось польское посольство. Нашим делегатом стал пан Малиняк в Новосибирске. Наше поселенье выбрало меня доверенным лицом. Через мои руки будет проходить корреспонденция с посольством и возможно – помощь, о которой мы просили в совместной депеше и письме в последних днях декабря.

Сегодня Новый Год. Полтора года без Казика. Увижусь ли с ним когда-нибудь? Все запросы, направленные в НКВД, в польское посольство, в штаб Польской Армии остаются без ответа! Когда оглядываюсь на 41 год – удивляюсь, что я ещё жива и более или

менее в своём уме. Кажется 1942 не будет худшим! Если Бог и дальше будек так близок мне, как в 41 году, всё одолею.¹¹

¹¹ На этом заканчивается дневник мамы в верхней части последней страницы тетради. Внизу приписка моим детским почерком: *Томск 26/IV1944г. вторник*
Мы живём в очень плохих условиях. Около нас находится «общежитие». Ужасно плохо воспитанные девочки. Не дают шагу ступить спокойно. Мамочка страшно много работает. Я ей не помогаю, потому что очень плохо себя чувствую. Я заболела в Томске острым ревматизмом и эритемой. Лечилась в больнице. Благодаря стараниям учительницы (беженки из Ленинграда), после выписки из больницы меня поместили в детский (превенториум?), из которого я убежала, боясь, чтобы пребывание там не стало причиной разлуки с мамой и сестрой. Предпочитала, несмотря на сильное ослабление, холод и голод с ними, чем хорошие условия в дали от них. Повторилось то, что было в Усть-Сельге, когда тоска по маме не позволила мне быть наней младенца местной фельдшерицы и жить в тёплой комнате при больнице, из окон которой был виден противоположный конец деревни, где мы жили в маленькой боковушке у Ковалёвых. (Деревянная хата хозяев состояла из центрального помещения с большой хлебной печью и маленькой боковушки (...?))